TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 369 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXVI

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1975

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ ВОКРУГ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х ГОДОВ

П. С. Рейфман

Писатель Василий Васильевич Селиванов (1813—1875) не принадлежит к числу тех, имя которых прочно вошло в историю русской литературы. Ныне он мало кому известен. И забвение его вполне оправдано. Жандармский офицер в отставке, полицеймейстер Воспитательного дома в Москве, литератор бесталанный, весьма консервативных взглядов, искажающий в своих произведениях русскую действительность, рисующий в сусально-умиленных тонах добрых помещиков и благоденствующих «поселян», Селиванов правомерно не пользовался популярностью.

И тем не менее, изучая литературно-журнальные отклики, вызванные обсуждением крестьянского вопроса во второй половине 1850-х гг., небесполезно обратиться к наследию Селиванова. Такое обращение, кроме прочего, помогает уяснить некоторые детали, относящиеся к творчеству писателей, неизмеримо более крупных, чем Селиванов: Н. А. Некрасова и Л. Н. Толстого.

Помещик-практик, в период подготовки и проведения крестьянской реформы Селиванов пользовался в определенных кругах репутацией знатока русского народного быта. Его книга «Год русского земледельца», опубликованная в славянофильской «Русской беседе»[1], претендовала на роль своеобразной энциклопедии помещичье-крестьянской жизни. Отрывки из нее печатались в хрестоматиях для народного чтения. Произведение Селиванова, состоящее из 4-х частей («Весна», «Лето», «Осень», «Зима»), создавало в целом образ религиозного, покорного, трудолюбивого, тяжело работающего, но счастливого и довольного своей участью русского крестьянина. Причем речь шла не о каких-то конкретных случаях, эпизодах, зарисовках народной жизни, а о типизированном крестьянском быте, об обобщенном облике крестьянина и помещика. Наблюдения автора принимают в книге форму разговора о деревне вообще.

Нельзя сказать, что Селиванов, хорошо знакомый с сельским хозяйством, много лет проживший в деревне, служивший в земстве по крестьянскому делу, совсем не ориентируется в народном быте. Его книга дает довольно ясное представление о крестьянских работах, об орудиях труда. Словесное описание последних сопровождается рисунками таких орудий, крестьянских изб и т. п. Селиванов хорошо знает обычаи, поверья, обряды и широко знакомит с ними читателей. Он дает описания колядок, гаданий,

---

[1] 1856, кн. II, IV, 1857; кн. VII, VIII. О Селиванове см. заметку «От издателя» в кн. Сочинения Василия Васильевича Селиванова. В 2-х тт. Владимир, 1901—1902, т. I. Далее: Селиванов. См. также «Список сочинений В. В. Селиванова» — «Российская библиография», 1881, № 95 (19), с. 410—411; Русский биографический словарь, т. Сабанеев—Смыслов, СПб., 1904, с. 280—281; «Русская старина», 1877, т. XX, с. 205—220.

тексты «Авсеня», похоронных причитаний. «Год русского земледельца» небезынтересен в этнографическом плане. И все же общая картина народной жизни у Селиванова совершенно искажена и фальсифицирована.

В каждом эпизоде, от первой страницы до последней, в книге ощущается любование автора происходящим, стремление примирить читателя с крепостнической действительностью. «Год русского земледельца» открывается слащавым описанием возвращения мужичка в деревню с заработков, подготовки его к весенним работам, и заканчивается столь же сусальным изображением смерти мужичка: «И спит земледелец на Божией ниве, как пшеничное зернышко на вспаханной бороздке; и много раз перепашутся его кости <...> пока, по гласу последней трубы, не возродится он к новой, купленной земными лишениями и трудами, лучшей жизни» [2].

Неправомерно большое место занимает в книге описание всяких праздников, изображенных со знанием быта, но столь детально и многократно, что вся жизнь русского мужика превращается в подобном описании почти в сплошную цепь праздников, которые, по Селиванову, — убедительное свидетельство религиозности народа. Религиозность, по мнению автора, — одно из важнейших свойств народной сути. При всяком удобном случае Селиванов касается этой темы. Так, например, рассказывая о заготовке грибов, он не упускает повода добавить, что грибы необходимы, так как «Православные Русские люди, крестьяне и, слава Богу, многие помещики, не станут не только мяса, но и рыбы есть в посты» [3].

Труд крестьянина, его быт нарисованы в «Годе русского земледельца» в радостно-светлых красках. Об эксплуатации народа нет и речи, хотя мимоходом, без всякого осуждения, как о нормальном, упоминается, что мужик работает три дня на помещика, а три на себя, что на барщине бабам необходимо давать «урок», так как иначе они не торопятся. В целом же отношения между помещиками и крестьянами изображены в идиллических тонах. И тех, и других Селиванов объединяет общим названием «земледельцев», как бы не замечая коренной разницы между «земледельцами» и «землевладельцами». Знаменательно, что и редакция «Русской беседы» поддержала такое сближение, отмечая во вступительной заметке к книге Селиванова, что тот, воссоздавая быт крестьян, касается жизни помещиков лишь в тех случаях, «где помещик, как земледелец и Православный, сливаясь с жизнью простого народа, составляет с ним одно неразрывное целое» [4].

Доказательствам этой неразрывной целостности в «Годе русского земледельца» отведено немало страниц. Умиленно повествует Селиванов о полном добрососедстве, якобы существующем между мужиками и помещиками. Рассказывая, как последние приглашают «на подмогу» жителей оброчных или казенных деревень, Селиванов описывает радостную дружную работу, обед, которым хозяин угощает крестьян, веселье, песни, пляски [5]. Он уверяет, что «помочь дается соседними крестьянами всегда с большою готовностью и даже удовольствием. Кроме угощения и веселого гулянья, привлекательных для молодежи, готовность помочь происходит от признательности за полезные и советом, и делом услуги помещика-соседа» [6].

Портрет такого помещика нарисован Селивановым в духе самого откровенного приукрашивания: «Он весело озабочен. По виду, ему под сорок.

---

[2] Кн. VIII, с. 134.

[3] Кн. II, с. 28.

[4] Там же, с. 2. Не исключено, что во вступительной заметке содержался и полемический подтекст. Редакция могла считать, что Селиванов слишком уж объединяет помещиков и крестьян. В этом случае ее заметка оговаривала возможные, с редакционной точки зрения, рамки такого объединения, ограничивая их. Подобное предположение делает вероятным и общая позиция славянофилов по крестьянскому вопросу и замечания редакции «Русской беседы» по поводу рассказа «День помещика» (см. с. 185).

[5] Кн. IV, с. 77—78.

Лет пятнадцать прослужил он в военной службе, а теперь, как следует мирному гражданину, занимается хозяйством. Он не чужд высоких стремлений; мировые события волнуют его душу, он сочувствует успехам наук и художеств, он горячо любит свое отечество. В обязанности помещика он сознает великое призвание заботы и попечения о вверенных ему Богом и законами ближних. Он смотрит на хозяйство, как на основу государственного богатства, как на залог благоденствия народного...»[7].

В книге приводится задушевный разговор, который якобы ведет помещик со старым крестьянином (без старого патриархального крестьянина в подобных идиллиях не обойтись!). Помещик уважительно именует своего крепостного на «Вы», со вниманием выслушивает его мнения. Старик вспоминает о прежних барах, о прадедушке нынешнего владельца имения, имевшем 2 тысячи крепостных, строгом, но справедливом хозяине, не терпевшем обмана, умилительно заботившемся о дворовых ребятишках. Для последних каждый раз к барскому обеду варили окорок «для подачок»: «Как только господа сядут за стол, так в залу и набегут все дворовые ребятишки, босиком, в рубашонках, под час в грязи, и станут около стенки, всякий с чашечкой. Когда покушают, примером, горячее, прадедушка ваш и закричит дворецкому: дай им, братец, подачки! Вот дворецкий нарежит ломтиками хлеба, положит на них по ломтику ветчины, да так и наделит всех»[8].

Селиванов явно сожалеет, что подобные бары ныне перевелись, что исчезает простота отношений между помещиками и их рабами, не замечая даже, сколь отвратительна идиллия, сочиненная им, в какой степени унижает она человеческое достоинство. С умилением повествует он о том, как господа заботятся о больном мужичке, лечат его, о том, как перед Великим постом помещики и крестьяне просят друг у друга прощения.[9]

Естественно, что фальсификация Селивановым народной жизни вызвала резкий отпор на страницах некрасовского «Современника». М. Е. Салтыков-Щедрин в февральской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г., высмеивая славянофильские утопии, указывал на «Год русского земледельца», называя его «рассыченною на патоке идиллией», насквозь пропитанной сентиментальным враньем «идиллией прошлого.»[10] Салтыков цитирует отрывок из «Года русского земледельца», относя сочинение Селиванова к ряду «отводящих глаза произведений», саркастически замечая, что автор книги постоянно рисует господ, «которые охотно молятся богу вместе с своими земледельцами, однако ж в работах общения с ними почему-то иметь не желают»[11]. Имея в виду, видимо, приводимый выше эпизод, в котором изображается веселье крестьян, позванных помещиком «на подмогу», их пение, пляски, Салтыков упоминает «фантастические дивертисменты с пением и танцами», сближая в какой-то степени сторонников «идиллии прошлого» и «идиллии будущего», в которой, «как известно, никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет»[12].

«Патриархальному фальшфейеру», создаваемому писателями типа Селиванова, Салтыков противопоставляет реальную картину крестьянской жизни, начиная описание ее словами: «Жизнь русского мужика тяжела, но не вызывает ни чувства бесплодной и всегда оскорбительной жалостливости, ни тем более идиллических приседаний»[13].

Создавая трогательную легенду о патриархальных отношениях между барами и крепостными, о нравственном влиянии первых на вторых, Сели-

---

[6] Там же, с. 69.
[7] Там же, с. 73—74.
[8] Там же, с. 76—77.
[9] Там же, кн. VIII, с. 125.
[10] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт., т. 6, М., 1968, с. 263.
[11] Там же, с. 264.
[12] Там же, с. 263, 232.
[13] Там же, с. 265.

ванов сообщал об обычае, следуя которому крестьяне по праздникам приходили в усадьбу поздравлять своих господ, молились вместе с ними. «Это сближение господ с народом, — писал Селиванов, — имеет высокий нравственный смысл. Конечно, на другой день неизбежно понадобится хорошо вымыть пол, и потому в тех домах, где существуют лакированные паркеты и чистота полов стала выше чистоты нравственной, там этот обычай уже не выполняется» [14].

Приведенные строки вызывают в памяти слова Оболта-Оболдуева, помещика из первой части поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Как и Селиванов, рисуя крепостническую «идиллию прошлого», Оболт-Оболдуев с умилением вспоминает о молебнах, которые он устраивал в былые времена в своей усадьбе для крестьян:

«Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил,
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися:
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы, —
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»
— Так! — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..» [15]

Видимо, здесь идет речь о полемической реминисценции из «Года русского земледельца». Напомним, что первая часть поэмы Некрасова создавалась как раз в то время, когда редакция «Современника» обратила свое внимание на книгу Селиванова, упомянула о ней в «Нашей общественной жизни» Салтыкова-Щедрина. Напомним и о том, что Салтыков, высмеивая «Год русского земледельца», указывает на те же особенности, на которые обращает внимание и Некрасов: помещики охотно молятся богу вместе со своими земледельцами, но этим близость их ограничивается.

Все сказанное делает весьма правдоподобным предположение, что процитированные слова Оболта-Оболдуева — иронический отклик Некрасова на аналогичный эпизод из книги Селиванова, что вообще нарисованная помещиком в поэме «идиллия прошлого» в какой-то степени ориентирована на картины «Года русского земледельца». Не следует, конечно, преувеличивать подобной близости. Некрасов, как всегда, отталкиваясь от отдельных фактов, создает художественное обобщение большой жизненной емкости [16]. Но среди фактов, послуживших основой для такого обобщения, нужно, вероятно, учитывать и книгу Селиванова. Как бы то ни было, глава «Помещик» в поэме «Кому на Руси жить хорошо», думал об этом поэт или не думал, служила разоблачением той фальши, которая столь отчетливо выразилась в «Годе русского земледельца».

Имя В. В. Селиванова всплывает в памяти и при чтении рассказа Л. Н. Толстого «Утро помещика». Известно, что этот рассказ связан с раз-

---

[14] «Русская беседа», кн. II, с. 6.

[15] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3, М., 1949, с. 229—230.

[16] См. М. Гин. От факта к образу и сюжету. М., 1971.

думьями писателя о необходимости уничтожения крепостного права, об отношениях помещиков и крепостных, с попытками Толстого предпринять конкретные меры, которые должны были изменить положение яснополянских крестьян, с его проектами и записками по крестьянскому вопросу[17]. Именно во время этих дел и размышлений, под влиянием их, возвращается писатель летом 1856 г. к давнему замыслу «Романа русского помещика», создав на его основе рассказ «Утро помещика». Рассказ окончен в ноябре того же года, напечатан в № 12 «Отечественных записок» и отражает тот круг проблем, который был особенно важен для Толстого в 1856—1857 годах. Обращение к таким проблемам — не только важный шаг в эволюции самого Толстого, но и результат того, что решение их практически поставлено на повестку дня, что как раз с весны 1856 г. начинается широкое обсуждение крестьянского вопроса, что он становится в центре внимания общества, журналистики. «Утро помещика» — один из существенных и ранних литературных откликов, который следует рассматривать в общем русле выступлений о положении крестьян. И знаменательно, что Толстой, при всей симпатии к Нехлюдову, уже в «Утре помещика» приходит к выводу о несостоятельности исканий героя, о несовместимости помещичьей и крестьянской точек зрения, несовместимости, объективно выражавшей непримиримость их социальных позиций. Именно на эту особенность рассказа Толстого обращал внимание в «Заметках о журналах» Чернышевский, отмечая с похвалой, что уже «в первом своем очерке сельских отношений» писатель «с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта поселян, но, что гораздо важнее, их взгляд на вещи»[18].

В кн. IX «Русской беседы» (кн. 1 за 1858 г.) В. Селиванов напечатал свой рассказ «День помещика», который, вероятно, является ответом на «Утро помещика» Толстого. Публикуя рассказ, издатель «Русской беседы» сообщал, что помещает его с запозданием, что «День помещика» написан и доставлен в редакцию летом 1857 г. Таким образом, Селиванов работает над рассказом где-то в первой половине года, сразу же после того, как появилось «Утро помещика», и мало вероятно, что он не видел нового произведения Толстого, затрагивавшего вопрос с положении крестьян, волновавший и Селиванова. Но даже если последний не имел в виду «Утро помещика», нарисованная им идиллия должна была восприниматься как полемика, направленная против толстовской постановки проблемы.

В «Дне помещика» Селиванов, как и Толстой, изображает ряд встреч владельца имения с крестьянами, встреч, как правило, конфликтных, когда сталкиваются различные точки зрения, и каждая сторона по своему одностороннее права. Он повествует о мужиках, которые не платят подушное, объясняя это весьма основательными причинами, рассказывает об Акулине, у которой больна последняя корова, о Карпе, плохо вспахавшем десятину, так как у него цыгане коней увели. Помещик понимает резонность большинства подобных доводов, но знает и то, что все крестьянские беды ему придется оплачивать из своего кармана, что он коренным образом ничего исправить не сможет, что все будет идти по-прежнему, что в поведении мужиков, в поступках, противоречащих выгодам помещика и самих крестьян, есть какая-то правота. Как и у Толстого, у Селиванова в какой-то степени вырисовываются два лагеря, с различной психологией, с интересами, которые трудно примирить. Барин желает крестьянам добра, искренне хочет помогать им. Мужики же недоверчиво относятся к помещику, при

---

[17] См. письма и «Записные книжки» за 1856—1857 гг.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное). М., 1928—1958, тт. 47, 60. См. также т. 5: [Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян], Лето в деревне, [Записка о дворянстве]. Далее: Толстой.

[18] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. IV, М., 1948, с. 682.

всяком случае готовы его надуть, урвать что-либо для себя из барского добра, «допечь» барина. Изленившиеся лакеи плохо служат, ругаются между собой, веселятся и пляшут, вместо того, чтобы исправно подавать обед; бабы не приносят холста или приносят дурной; мужики не платят недоимок; помещик уверен, что ему не вернут корову и лошадь, которых он дал на время Акулине и Карпу, как не раз бывало и прежде. Народ не верит в добрые намерения барина, в то, что его поступки продиктованы любовью к крестьянам, что он страдает за них. Мужики не испытывают благодарности, «потому что всякое добро принимается народом как обязанность или прихоть со стороны владельца» (с. 76).

Помещик не осуждает крестьян за такое отношение. Он готов понять и даже оправдать их, зная, что они не могут иначе поступать, что они бедны и невежественны, что им необходимо давать потачку. Но речь идет именно о «потачке», барин изображается Селивановым каким-то мучеником, взявшимся за тяжелое и неблагодарное дело, которое трудно вести, но невозможно и бросить. Ему приходится страдать «и душой, и карманом». Да и мужики далеко не всегда безвинны. Их бедность нередко определена дурным поведением их самих, их родителей. Рассказывается история глупого мужика и злой бабы, которые разорили хозяйство; отданные в учение их дети развратились, начали пьянствовать, попали в тюрьму. Старый дворовый, просящий милостыню на большой дороге, — пьяница, буян, недоучившийся портной. И за все это приходиться расплачиваться горемыке-помещику!

Рассказ начинается с описания столкновения барина с крепостным столяром. Тот просился на оброк. Ему «кротко объяснили», что он нужен дома. Он же, вместо того, чтобы «спокойно покориться своей участи», смеет выражать недовольство. На его лице «выражение самой грубой непокорности» (с. 41). Он уходит от помещика, бормоча ругательства и хлопнув дверьми. Барин оскорблен, но делает вид, что ничего не произошло. Он надеется, что столяр исправится. Но когда тот намеренно портит работу, грубит, «мера терпения переполнилась», и следует распоряжение отдать столяра в солдаты. При этом помещик страдает не меньше, чем мужик. Он охотно простил бы виновного, но боится, что отмена наказания послужит дурным примером. Он и вообще не прочь избавиться от обузы помещичьей жизни, но не видит приемлемого выхода: продать имение он не может, так как ощущает свой долг перед крепостными; не может он и отпустить крестьян на оброк, так как у них дети, семьи; отпустить крестьян на волю, сделав нищими себя и свою семью, он не в состоянии. Остается терпеть и страдать, содержать многочисленных дворовых, хотя они плохо служат, а многие из них лишь хлеб едят, оплачивать недоимки мужиков, помогать им хлебом и скотиной, мириться с убытками, опекать больных и слабых.

Барин ощущает на своей совести и бедность, и лень, и невежество своих крепостных. Он недоволен собой. Но правомерность владения крепостными, деления мира на бедных и богатых сомнений у него не вызывает: «Равенство состояний историей человечества признано делом невозможным. Пока существуют деньги, государство, образование, — будут существовать и бедные и богатые. Богатые будут наслаждаться материальным благосостоянием, платя за это благосостояние бедным, которые за деньги всегда служили и будут служить богатым» (с. 74). В подобной «философии» герой черпает оправдание своему положению, обоснование помещичьих прав. По его мнению, он будет виноват лишь в том случае, «если права эти употреблю во зло и не воспользуюсь ими на всевозможное благо моим меньшим братиям» (с. 75).

Причину конфликтов между помещиками и крестьянами герой, за которым стоит сам автор, видит в разрушении тех идиллически-патриархальных отношений, которые прежде якобы существовали. Помещик с осуждением упоминает о вторжении в жизнь русской деревни духа европейского эгоизма, о воздействии фабричного производства, денежных отношений и т. п. Он

противопоставляет себя хозяину-немцу, выжимающему из работников все силы, принимающему их за рабочий скот.

Селиванов в какой-то степени перекликается с Толстым во враждебности к буржуазным отношениям, проникающим в деревню, к деньгам. Но, в отличие от Толстого, неприятие капитализма определяется у автора «Дня помещика» слащавой идеализацией старой крепостнической деревни. Герой с грустью рассуждает об ослаблении былой преданности дворовых людей к господам, об уменьшении любви, бескорыстного усердия. Он уверяет, что прежде, несмотря на встречавшиеся жестокости и произвол (отрицать их не может даже Селиванов!), «народ по большей части искренно был предан своим помещикам, потому что в жизни их господствовал тот же православный склад и не существовало различия между помещиками и народом в их духовных стремлениях, — одним словом, они были несравненно ближе друг к другу, нежели теперь» (с. 47).

Конец рассказа «День помещика» окрашен в примирительные тона. Непокорный столяр просит у барина прощения. Тот с радостью дарует его. Описывается прекрасный деревенский вечер, пение соловья. Герой забывает грустные раздумья, заботы, недовольство собой и мужиками. Он будет и далее выполнять долг. Он уповает на бога и доволен своей судьбой: «Грустные и мрачные мысли мало по малу разлагались в созерцании спокойной, тихой летней ночи; и когда до слуха его начал долетать знакомый шум катившегося вдали и приближавшегося экипажа возвращавшейся из гостей жены, он встал с своего места, весело взглянул на небо и, войдя в дом, велел подавать ужин» (с. 82).

Итак, повторяя ситуацию, изображенную Толстым, Селиванов приходит к диаметрально противоположным выводам. У него в конечном итоге получается апофеоз помещичьей деятельности, нелегкой, с сомнениями и разочарованиями, но полезной, благотворной и для барина и для народа, приносящей, несмотря на все трудности и неприятности, чувство удовлетворения и выполненного долга. Пропасть между интересами помещика и крестьян оказывается не столь уж непреодолимой. К тому же она существовала не вечно, появилась оттого, что начал разрушаться мир старого патриархального православного склада. Но все же он не разрушен до конца, и благотворная связь барина с его крепостными не совсем уничтожена. Таков был ответ Селиванова на вопросы, затронутые Толстым в «Утре помещика».

Выступления Селиванова по крестьянскому вопросу перекликаются еще с одним произведением Толстого, с «Поликушкой». В данном случае вряд ли есть основание говорить о возможности прямой полемики. Скорее речь идет о сходстве, определяемом временем, избранной темой, о совершенно различных выводах, к которым приходят авторы, рисуя те же самые явления.

«Поликушка», как известно, написан на основе рассказа Дундуковой-Корсаковой, услышанного Толстым во время заграничной поездки, в марте 1861 г. В октябре 1862 г. «Поликушка» закончен и напечатан в февральской книжке «Русского вестника» за 1863 г.[19] Но в то же время в «Поликушке» отражено многое из того, что волновало писателя в 1856—1857 гг., что сказалось в проблематике «Утра помещика». Во второй половине 1850-х гг., размышляя о положении крепостной деревни, пытаясь изменить судьбу яснополянских крестьян, построить отношения с ними по-иному, Толстой наблюдает расслоение крестьянской общины, проникновение в русскую деревню буржуазных хищнических тенденций. Во многих письмах конца мая — начала июня 1856 г., в «Записных книжках», в «Дневнике помещика» он подробно рассказывает о крестьянских сходках, собранных для обсуждения вопроса о новом статусе взаимных обязанностей.[20] Ни о чем договориться

---

[19] См. Толстой, т. 7, с. 345—347.

[20] Там же, т. 5, с. 249—258; т. 47, с. 77—80; т. 60, с. 64—67, 68—69, 88—89 и др.

с участниками сходок оказалось невозможно. Недоверие крестьян к барину все время росло. До крепостных дошли смутные слухи, что «в коронацию всем будет свобода», «с землей, может быть, даже и со всей — помещичьей»[21], поэтому в любом предложении помещика они видели подвох и решительно отказались подписывать контракт.

Толстой далек в это время от революционно-демократических решений крестьянского вопроса. Он отнюдь не разделяет веры мужиков, что земля им принадлежит, что «освобождение будет со всею землей».[22] Более того, Толстой призывает, чтобы власти скорее рассеяли подобное заблуждение народа. Он пишет, что, пока не поздно, «нужно спасать все здание от пожара»[23]. Но вместе с тем Толстой ясно представляет точку зрения крестьян, хотя и не разделяет ее, понимает коренную разницу в подходе землевладельцев и земледельцев к проблеме уничтожения крепостного права, правдиво рисует сложившееся положение вещей.

Наблюдения Толстого отразились в «Утре помещика». В какой-то степени они определили и содержание «Поликушки». Необходимо учитывать, что «Поликушку» отделяет от «Утра помещика» реформа 1861 г., но нужно видеть и то, что сближает оба произведения. Уже в 1856 г., ведя переговоры с яснополянскими крестьянами. Толстой приходит к выводу о несостоятельности славянофильских теорий, идеализировавших сельский мир, общину. Он признает серьезность поисков славянофилов, но отмечает узость их взглядов, нетерпимость, ограниченность[24]. В «Дневнике помещика», подробно описав сходку, Толстой высказывает мнение, что *мир* неспособен решать серьезных задач: «задачу о выходе из помещичьей власти он не только не решает, но сам уничтожается, и остаются невежественные бессмысленные единицы. Контракт с ними невозможен»[25]. К этому времени относится возникновение замысла изображения сходки в каком-либо из художественных произведений как замысла антиславянофильского. В письме к Н. А. Некрасову и И. Ф. Горбунову от 12 июня 1856 г., сообщая о неудаче сходок, о том, что крестьяне «не приняли моих самых выгодных предложений», Толстой добавляет: «Уж поговорю я с Славянофилами о величии и святости сходки *мира*. Ерунда самая нелепая»[26]. Свое намерение писатель выполняет в «Поликушке». С самого начала повести действие ее разворачивается на фоне повторяющихся, как лейтмотив, упоминаний о шумящей крестьянской сходке, собранной у конторы, чтобы решить вопрос, кого отдавать в рекруты. О ней дважды говорится в первой главе. Словами о сходке начинается вторая глава, в которой описывается семья Поликушки. Наконец в 5 и 6 главах Толстой дает подробное изображение сходки, кричащей, бурной, полной противоречий, вражды, основанной на имущественном неравенстве, нескладицы в мыслях, ведущей к невозможности принять какое-то разумное решение. Обрисовка такой нескладицы объективно отчасти перекликается с рассказом Н. В. Успенского «Обоз», с истолкованием его в статье Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?» Знаменательно, что звуки сходки, чужой, непонятной и грозной стихии, доносясь до господского дома, вызывают беспокойство барыни, чувство страха. Здесь, как и в «Утре помещика», противопоставлены два мира, и не только чужие, но и враждебные.

К теме крестьянской сходки обращается и Селиванов. В № 17 «Журнала землевладельцев» за 1858 г. он печатает очерк «Мирской сход». Сходка изображается автором далеко не в идиллических тонах. Речь идет о той

---

[21] Там же, т. 5, с. 252, 255.
[22] Там же, т. 60, с. 89.
[23] Там же, т. 5, с. 256.
[24] Там же, т. 47, с. 70, 74; т. 60, с. 153, 156.
[25] Там же, т. 5, с. 258.
[26] Там же, т. 60, с. 69.

же нескладице, народной темноте, пьянстве, о ругани богатых мужиков с бедными, о появляющихся деревенских мироедах, кулаках, ловко устраивающих свои дела за счет деревенской общины. Окончательным доводом, определяющим решения мирского схода, оказывается водка. Благодаря ей луг отдают на покос богатому мужику Федосею. Водка решает дело и об обмене земельных участков. В какой-то степени можно говорить об антиславянофильской тональности очерка Селиванова. Но направленность эта совсем иная, чем в «Поликушке». Все происходящее, по мысли Селиванова, объясняется разложением былых патриархальных отношений старой крепостнической деревни, об утрате которых скорбит автор. Подобная позиция, нередко связанная с резкой критикой существующего, современных «язв», была характерна в более позднее, послереформенное, время для ультраконсервативной газеты «Весть» и, конечно, не имела ничего общего со взглядами Толстого.[27]

В заключение следует остановиться на вопросе о славянофильстве Селиванова. Его основные произведения, «Год русского земледельца» и «День помещика», были опубликованы в славянофильской «Русской беседе». Печатая первое из них, редакция благодарила автора за то, что он прислал в журнал начало своего «прекрасного труда», просила Селиванова сообщить и остальные части «Года русского земледельца», выражала надежду, что сможет предложить читателям продолжение этого сочинения, «замечательного не по мелочам <...> но по истинному русскому духу, которым все оно проникнуто»[28]. Редакция, имея в виду начало обсуждения вопроса об уничтожении крепостного права, указывала на особое значение подобных произведений в настоящий момент, когда изучение народного быта стало общей важной задачей. Редакционная заметка свидетельствовала, что Селиванов воспринимался как автор, вызывающий к себе горячее сочувствие, как единомышленник, но не близкий, приславший свое произведение со стороны, не как постоянный сотрудник, входящий в редакционный круг. Она же пояснила, чем дорог Селиванов славянофилам: описаниями народной жизни, ориентировкой на русский быт, православно-религиозными мотивами.

Однако славянофилы вряд ли одобряли идеализацию Селивановым отношений между помещиками и крестьянами, обрисовку в розовых красках крепостного права. По поводу «Года русского земледельца» о такой идеализации прямо не упоминается, но, публикуя «День помещика», редакция открыто высказывает свои сомнения. Издатель «Русской беседы», А. И. Кошелев, считает нужным заявить, что он не разделяет «сожалений автора об утрате патриархальности, будто когда-то существовавшей вообще между помещиками и их крестьянами»[29]. По мнению Кошелева, подобной патриархальности, взаимной любви «в виде общего правила или обычая никогда <...> не было»; если же они где-либо и появлялись, то объяснялись лишь личной добротой того или иного помещика и недостатком «правомерных, вполне каждого человека ограждающих учреждений»[30]. На такого рода случайных и редких исключениях, по словам Кошелева, невозможно основывать судьбы миллионов людей, будущее которых станет настолько совершеннее прошлого, насколько взрослый, гармонически развитый человек, совершеннее ребенка. Несомненно, что рассуждения Кошелева направлены против крепостного права, в то время как Селиванова — в защиту его.

Необходимо отметить, что и сам Селиванов далеко не во всем разделял отношение славянофилов к народу, общине, крестьянскому миру. Особенно

---

[27] Не следует, однако, отождествлять, направления «Вести» и точки зрения Селиванова. Идеализация патриархальной деревни, народа, столь характерная для последнего и сближавшая его с славянофилами, для «Вести» не была типична.

[28] «Русская беседа», 1856, II, с. 2.

[29] «Русская беседа», 1858, кн. 9, с. 38.

[30] Там же.

отчетливо это сказалось в очерке «Мирской сход», но и в «Дне помещика», там, где речь идет о недостатках народа, многое не созвучно славянофильским концепциям. Селиванов значительно консервативнее славянофилов, и в то же время он трезвее их смотрит на ряд аспектов современной жизни. Не случайно и сын Селиванова, издавая сочинения отца, пишет, что тот, примыкая к славянофилам, «был чужд некоторым крайностям последних» [31], мало интересовался их политической программой.

---

[31] Селиванов, с. 3.